

С Гейдаром Алиевым – наконец, в Баку

Первая встреча посреднической миссии России с Гейдаром Алиевичем Алиевым, вернувшимся из Нахичевани в Баку в начале июня и фактически вскоре взявшим там власть, прошла 20 июля 1993 г. Мы не раз общались с ним по правительственному телефону, иногда по его инициативе, но не сразу добились randevu с «новым» руководителем Азербайджана. Москва и в июне, и в июле предлагала направить в Баку личного представителя Президента РФ, но Г. Алиев оттягивал мой приезд. Все понимали, что ему вначале надо укрепиться; были и иные версии, но не будем гадать.

Да и обстановка на фронте была неустойчива. Относительные затишья сменялись методичным давлением армян. Их войска уже охватывали Агдам, контролировали высоты вокруг него. Через несколько дней, 23 июля, он пал.

Почти трехчасовая беседа с «осуществляющим полномочия президента Азербайджанской Республики» прошла в кабинете председателя Верховного Совета АР (еще не в президентском дворце, где прошли потом десятки наших встреч с ним). Вдоль продолговатого кабинета вытянут неширокий, но длинный стол. За ним – лица, служившие уже новому руководству Азербайджана, очищенному от явных сторонников Эльчибея. Среди них помню советника президента по внешней политике Вафу Мирзоевича Гулузаде, и.о. мининдел Альберта Алиевича Саламова и начальника управления международных организаций МИД АР Араза Бююкагаевича Азимова (ныне заммининдел АР). По другую сторону стола – мы с нашим послом Вальтером Александровичем Шонией и моим напарником по посредничеству С.А. Панчехиным. Недолго присутствовали журналисты.

Начали с воспоминаний о нашей поездке в Мексику, о пребываниях в Анголе. Потом мы изложили Г. Алиеву нашу оценку урегулирования карабахского конфликта, разъяснили подходы России. Попросили также освободить шестерых граждан России,

захваченных в НК, в обмен на азербайджанских военнопленных у армян (по предложению последних).

«Новый» лидер Азербайджана подчеркнул, что готов поддерживать добрые отношения с Россией, гасить антироссийские настроения. «Моя стратегическая линия на этот счет ясна», – заявлял он. Отмечал, что связи с Россией со времен Петра I многообразны, что нельзя спустя 200 лет вдруг отвернуться от нее и дружить только с Турцией и США. «Хочу, чтобы здесь учитывались и интересы России. Я не допустил бы вывода российских войск», – заявил он. Достаточно сравнить жизнь азербайджанцев в Иране и в СССР, говорил он, и все встает на свои места.

По карабахскому конфликту Гейдар Алиевич занял несколько более гибкую позицию, чем А. Эльчибей и Т. Гасымов. Он с раздражением признал дезорганизованность, раздробленность и неэффективность азербайджанских вооруженных сил, их неспособность противостоять формированиям армян. Он согласился с необходимостью скорейшего прекращения кровопролития, но добавил к этому вывод армян из занятых ими районов. В отличие от прежних руководителей Азербайджана, он не обусловливал напрямую прекращение военных действий возвращением этих территорий, но настаивал, чтобы это делалось затем поэтапно, начиная с Кельбаджарского района. Признал, что скорейшее возвращение Кельбаджара помогло бы укрепиться новому руководству в Баку.

Г. Алиев оценил содействие России «малым» локальным договоренностям между Баку и Степанакертом и предложил продолжать их поиск с С. Абиевым, чтобы сохранить относительное затишье и «дотянуть» без новых крупных военных потрясений до того, как будет задействован план минской «девятки». В. Гулузаде заметил, что Запад не готов дать разъединительные силы и не хочет, чтобы это сделала Россия. Почему это? – прикинулся непонимающим Гейдар Алиевич.

Если бы сторонам потребовалось, сказал я им, в Москве могли бы рассмотреть такой вопрос. Однажды уже выражалась готовность, но не хотел Эльчибей. Условились с Г. Алиевым продолжать прямой контакт либо через его внешнеполитического советника Гулузаде.

Вместе с тем выявилось различие акцентов. Г. Алиев продолжал возносить тройственную инициативу России, США и Турции, выступал за скорейшее начало выполнения графика МГ, а я подчеркивал, что процесс уже ушел дальше: после ее встречи в Риме 3–4 июня график, предложенный ранее тремя государствами и преобразованный затем в план минской «девятки», был по нашему настоянию прямо подчинен выполнению резолюции 822 СБ ООН (мы выступили за это сразу после ее принятия 30 апреля 1993 г., но американцы и турки сначала противились этому).

Показывал, что эта резолюция и план минской «девятки» не одно и то же. Подчеркивал обязательность выполнения резолюции для государств-членов ООН, для всех сторон конфликта, причем полностью, а не выборочно. В подтексте нашей заочной дискуссии с МГ и тут были концептуальные расхождения: та стремилась корректировать военные действия, а мы – полностью прекратить их: иначе не решить трудные спорные вопросы.

Поскольку Степанакерт, ссылаясь на события в Азербайджане, предложил отложить на месяц выполнение графика (Раффаэлли дал согласие лишь на 6 дней, но пока не запустил его реализацию), важно было «дотянуть» до этого без новых потрясений на фронте. Отметил, что для этого надо продолжать заключать и выполнять «мини-соглашения», которые подписывались между Баку и Степанакертом при содействии России. Говорил о необходимости создания сторонами конфликта совместной контрольной комиссии (СКК) для подготовки и проведения деэскалации военных действий, подбора и назначения в нее военных представителей сторон, особенно если не будет развода войск и размещения разьединительных сил.

В посреднической работе иногда приходится «перепроверять» багаж аргументации сторон. Не раз пришлось приводить Г. Алиеву аргументы Р. Кочаряна (разумеется, не в их поддержку, а в поисках контрдоводов). Так, тот отмечал, что если азербайджанцы воздействуют на противника в основном огнем и бомбардировками, то карабахцы лишены таких возможностей (нет авиации, не хватает снарядов) и они прибегают к «рейдам», то есть наступательным операциям. По его словам, в Баку – разделение ролей: Г. Алиев за политическое решение, а С. Гусейнов за военное давление. Кочарян отмечал отсутствие прямых контактов с Баку; опасался, что после ухода армян из Кельбаджара азербайджанцы могли бы вновь развернуть боевые действия – поэтому необходим «ограниченный контингент по обеспечению безопасности».

Однако вместо контрдоводов аргументы Кочаряна вызвали растущее раздражение у собеседников и даже у нашего посла. Г. Алиев отвел опасения карабахцев насчет того, что азербайджанцы могут возобновить военные действия после возврата Кельбаджара. «Какая война после ухода армян из Кельбаджара?! Нам бы дух перевести!» – пробросил он. Г. Алиев больше своих предшественников высказывал готовность к отмене блокад («я сам натерпелся от них в Нахичевани»).

Помню, что обвинял Г. Алиев в основном Р. Кочаряна, а не Л. Тер-Петросяна, с которым поддерживал контакт из Нахичевани. Он считал, что прямые контакты со Степанакертом опасны его признанием. Разумеется, я высказывался за реализм – за признание НК стороной конфликта. Г. Алиев заметил, что ранее не учли это,

а теперь Баку надо время, чтобы разобраться. «А они на нас давят», – заявил он.

В целом этот разговор с Гейдаром Алиевым оказался довольно трудным, полемичным сначала в подтексте, а затем и напрямую, вязким, напряженным. Заметно отличался тональностью от наших прежних бесед – в Нахичевани, других местах или по телефону. На повышенных тонах он начал выплескивать на нас свое негодование наступлением армян. Вздвигнутость была для него необычной – как правило, он был выдержан.

В какой-то момент гнев Гейдара Алиевича перехлестнул разумные пределы: встав со стула, он ходил за ним и пустился в крик почти истерично. Сгоряча он угрожающе возопил: «Задавим армян, задавим!». Не удержался и от выпадов в наш адрес. «За Нагорным Карабахом стоит Армения, а за Арменией – Россия, – кричал он, – иначе никто не захватил бы столько азербайджанских территорий». До сих пор вижу эту сцену.

Когда кричит руководитель не твоего государства, это не так страшно. Страшновато было совсем другое – как бы с ним самим не приключилось что-нибудь. Трудно сказать, то ли это просто был нервный срыв, то ли он показывал своему окружению, как жестко умеет отстаивать интересы страны и разговаривать с посредниками, в том числе с гонцами из Москвы. Мы держались спокойно, опасаясь лишь за него самого (правда, оставшись наедине, Гейдар Алиевич сам принес извинения за свою несдержанность).

На наших встречах такого больше не случалось. Однако непросто избавиться от впечатления, что, когда требовалось, Г. Алиев мог умело разыграть подобные сцены, компенсируя эмоциями нехватку весомых доводов. Сходное мнение приходилось слышать от тех, кто встречался с ним позднее по делам Карабаха (так было много лет спустя на беседе Г. Алиева с сопредседателями МГ: из-за возникшей сцены американец Рудольф Перина так и не смог отстоять перед ним вполне резонную идею. Вячеслав Иванович Трубников вынужден был деликатно притормаживать активность Перины).

Самое время подробнее, чем ранее, сказать о том, как Гейдар Алиевич выстраивал наши беседы. Как когда-то в Нахичевани, так и 20 июля в Баку и при многих наших дальнейших встречах он обычно проводил разговор в три этапа. Беседы с ним проходили, как восхождение от простого к сложному, от общего к частному, от абстрактного к конкретному. Сначала это была беседа в присутствии журналистов – открытая, напоказ прессе. В Баку набиралось по 10–15 репортеров, а то и больше.

Г. Алиев первую часть бесед, как правило, активно использовал для пропагандистского вещания, да и собеседники были вынужде-

ны отвечать взаимностью, хотя, конечно, поскромнее. Затем давали понять журналистам, что встреча для них закончена, и оставались лишь ее участники или члены делегации и, конечно, его команда.

Вторая часть бесед была предметней, существенней, но редко когда доверительной. Из вежливости и по тактическим соображениям Г. Алиев обычно давал гостям высказаться первыми, а затем поражал своей реакцией на каждый вопрос, затронутый собеседниками, несмотря на то что пометок почти никогда не делал. Посложнее было иногда с сутевой «начинкой» его высказываний. Тут многое зависело от его позиции, становившейся позицией Азербайджана, – порой ему объективно не хватало убедительности. Его позиция отражала азербайджанские интересы, как он их понимал, но при всем его хладнокровии иногда имела основой эмоциональное восприятие. Он был терпим и к возражениям, но старался не оставлять их без ответа.

Доверительность в беседах с Г. Алиевым могла прийти лишь наедине, да и то не всегда. Это была наиболее ценная часть бесед для посредничества. Гораздо удобнее, чем публичные спектакли. Разговор менее формальный, более откровенный, полезный и для прояснения позиций основной стороны конфликта и даже для негласных договоренностей, с тем только минусом, что остается верить лишь его слову (свидетелей-то нет!) и своей памяти.

Намного позднее, в 1995–96 гг., партнеры по сопредседательству Минской группы ОБСЕ (шведы, а потом финны) ревниво воспринимали мои личные поездки в регион конфликта и добивались совместных выездов и переговоров. Старался не обижать их отказом, хотя сожалел, что утрачиваю возможность доверительно поговорить с руководителем с глазу на глаз. Тогда мы с Гейдаром Алиевичем стали прибегать к такому приему: после общих с ними бесед встречались еще раз, уже наедине, обычно в поздние часы, а то и за полночь. Так же было в Ереване и Степанакерте с Л. Тер-Петросяном и Р. Кочаряном.

Посреднику нелепо довольствоваться общими посиделками, лишаясь доверительного общения с руководителем государства или конфликтующей стороны. Оно помогало лучше ориентироваться и потом позволяло делиться информацией с партнерами (но, конечно, в иносказательной форме).

Это не было чем-то личностным – просто мной использовались уникальные возможности России, коих тогда не могло быть у западных держав, стран-председателей или сопредседателей Минской группы. Западу не хотелось ни признавать, ни востребовать особые шансы России на благо примирения, хотя это продвинуло бы дело вперед. А без этих уникальных ресурсов мы и не

смогли бы вывести стороны конфликта к прекращению массового кровопролития, несмотря не только на ревность, но и на немалые помехи со стороны западников.

Не вполне уверен, что нынешняя форма общения сразу трех сопредседателей с лидером каждой стороны конфликта является оптимальной. Они достигают одной цели – демонстрируют единство стран-посредников, но не утрачивают ли возможность поговорить с ним в более доверительной форме?